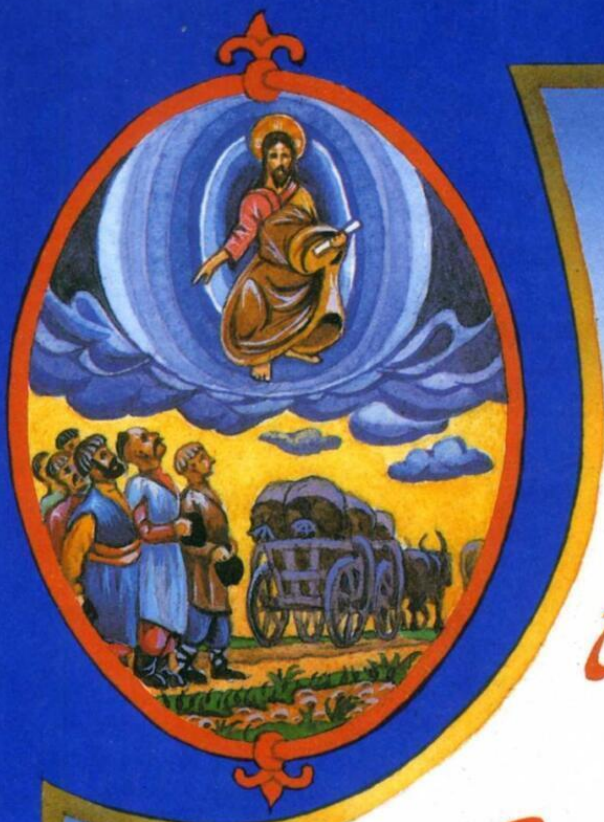

Борис Алмазов

Казачьи сказки

Борис Алмазов

Казачьи сказки

«Автор»
2023

Алмазов Б. А.

Казачьи сказки / Б. А. Алмазов — «Автор», 2023

Сказки казаков всех Казачьих Войск в авторском пересказе для семейного чтения

© Алмазов Б. А., 2023
© Автор, 2023

Содержание

ГУСЕНОК ХРОМЕНЬКИЙ 22
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Борис Алмазов
Казачьи сказки

ЧЬИ ЭТО СКАЗКИ?

Конечно, казачьи! Но написал-то их я! Написать-то написал, да ведь не выдумал. Я их слышал с детства, забывал, когда вспоминал, сам рассказывал, а потом сел за письменный стол и написал, как запомнил.

Вернее, они сами написались, будто жили во мне, ожидая своего часа. Так чьи же они?

А что тут голову ломать? Вот Алексей Толстой прочитал когда-то сказку Каллодио «Приключения Пиноккио», а через много лет написал сказку «Приключения Буратино» – в общем-то, совсем другую, хотя Буратино и Пиноккио, безусловно, родственники, хотя довольно дальние.

Так что сказки эти казачьи… и мои! Я ведь тоже – казак! А казаки кто такие? Опять загадки да путаница. Сами казаки считают себя народом. Древним, многовековым, когда-то, возможно, говорившим на другом языке и постепенно вошедшим в состав огромного русского народа.

Некоторые ученые предполагают, что в казачество сложились разные народы, перемешались, приняли общий язык – русский, но остались своеобразной частью русского народа.

А в Российской Империи и в Советском Союзе считали, что казаки это сословие, которое сложилось под влиянием обстоятельств. Жили на окраинах русской державы, служили, охраняя ее, вот и выделились в особый слой – служилых людей.

Еще добавляли, что казаки – беглые крепостные. Правда, эта точка зрения никак исторически не подтверждается, а только показывает, как относились к казакам в царской России и в СССР.

Как видите, в истории казачества больше вопросов, чем ответов. Поэтому я, пожалуй, скажу только факты, а там понимайте, как сумеете.

В казачьих преданиях смутно говорится о том, что предки современных казаков крестились от Кирилла Равноапостольного в 860 году в Азове, что после падения первой феодальной державы на территории Европы— Хазарского каганата, входившие в его состав «черкасы», ещё называвшиеся «козаки», ушли на Днепр, Волгу, Дон, Яик, а на Тереке они жили всегда.

В 1026 году князь Мстислав повел каких-то казаков против Ярослава Мудрого.

Казаками называли себя пришедшие в степи половцы. Казаки были и у татаро – монголов. Вот только кого так называли? Потомков дагестанских хазар, половцев, разведчиков-гвардейцев в монгольском войске? Кто были они, на каком языке говорили и кем приходятся нынешним казакам – еще предстоит открыть.

Современное казачество начинается со службы Русскому государству. Отношения были непростые, и это тоже отразилось в сказках. В России казаки стали сословием, и сегодня они неотъемлемая часть русского народа. Хотя в казачье сословие входили и украинцы, и татары, и буряты, и чеченцы, ингуши, калмыки и другие, их называли казаками по службе, в отличие от казаков по корню. Кстати, потомки казаков в этих народах до сих пор помнят, что они «из казаков»!

Казаками были и остались загадочные народы, такие, как нагайбаки: говорят по-татарски, а по вере – православные христиане. Трогательно звучат их молитвы на татарском языке: «Христос – Алла!»

Правительство вседа жестоко обращалось с казаками. Они принимали участие во всех войнах Российской империи, по приказу переселялись на новые места, заселяя Сибирь, Забайкалье, Амур, Уссури… Какие-то казачьи войска упразднялись, взамен создавались новые. К

1917 году в России насчитывалось 11 казачьих войск: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Оренбургское, Уральское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское, Сибирское. Кроме того Красноярские и Иркутские сотни и Якутский казачий полк. Всего 4 млн. 434 тысячи человек (мучин, женщин, стариков и детей).

Потомки запорожских и слободских казаков (числом более миллиона) помнили, что они – козаки, хотя не несли казачью воинскую службу. Их называли не войсковые казаки. Казаками себя считали и считают потомки Азовских, Черноморских, Бугских казаков, Енисейцы, Волгцы, Тюменцы и др. Они упорно во время Всероссийской переписи населения в графе национальность пишут «казак». По последней переписи их «сосчитали» всего 142 тысячи.

И с ними трудно не согласиться, потому что они сохранили, где больше, где меньше, казачью культуру, речь, обычаи, сказки… Огромный, многоликий, пестрый мир от Дуная до Камчатки и мыса Дежнева, где тоже живет несколько казачьих семей, пришедших сюда в XVIII веке и сохранивших песни, язык, воспоминания…

Скажем, потомственные Донские казаки помнят, что их дальние предки относились к тем племенам или народам (?): чигам верхнедонским, севрюкам (отсюда Северский, а не Северный Донец), и черкасам (а не черкесам!) на Нижнем Дону, родственникам черкасов – предков запорожцев с Днепра.

А Кубанцы даже говорят на разных языках: выходцы с Дона – линейцы – "гутарят" по-русски, а потомки казаков-черноморцев, переселенные сюда Екатериной II, "балакают"– «кубанской мовою».

Что касается речи, то каждая станица, я уж не говорю об округе или Войске, говорит со своими особенностями, а, например, Уральцы имеют собственный диалект.

Вот мне и захотелось объединить сказки разных казаков в одной книге потому, что это сказки одного народа. Они замечательны своей своеобычностью: вот вроде бы сказка русская, похожа на русскую сказку, а мораль совершенно другая, или образы совсем по-иному трактуются. А еще казачьи сказки похожи на сказки соседствующих с ними народов: семиреченские на казахские и киргизские, терские на дагестанские. Похожи, да не такие же!

Некоторые сказки мне и рассказывали то не по-русски, а по – калмыцки, по-татарски, и переводили, а украинский говор я и сам понимаю… Вот какие сложности.

А надо ли их знать? Наверно надо, тем более, что, как говорится, знания за спиной не носить! Пригодятся.

Для кого эти сказки? Для всех! Я специально составлял эту книгу так, чтобы в нее вошли и смешные, и грустные, и волшебные, и страшные сказки.

А еще сказки, которые мало знакомы читателям: сказки-апокрифы, предания на основе библейских сказаний (Благоразумный сотник. Христово воинство. Богородицины дети.), где героями вместе с казаками и казачками выступают и Христос, и Богородица, и Святые.

Сказки об исторических героях: про Платова, Бакланова, Некрасова… Может, и не случалось с ними ничего подобного, да только так казаки видели своих героев, так рассказывали о них.

Сказки-шутки, сказки-анекдоты, которые восходят к арабской восточной традиции, к хаккайяту (так это называется).

И читать эти сказки хорошо бы вслух, всей семьей. Потому, что сказки должны звучать, они сказываются, и я, как мог, старался передать особенности казачьей речи.

Книжка эта для всей семьи, потому что есть в ней сказки и для детей, и для взрослых… Если вы их полюбите да запомните, значит, они Ваши!

Борис Алмазов

ВОЛШЕБНАЯ КРАСА – ВСЕМУ СВЕТУ ЧУДЕСА

ВОЛШЕБНАЯ РЫБА

Жили-были старик со старухой на самом берегу Каспия. Старик рыбу ловил, старуха на бахче ковырялась да хлеб пекла. Жили, как все, не хуже, не лучше. Поехал старик ловить рыбу артелью, когда весь улов казаки делят между собой поровну. Заехали в плавни на Ахтубе. А там, кто как ловит, не видно. После лова казаки всю рыбу вместе сваливали да перекупщикам продавали, а вырученные деньги артельный атаман делил.

Вот пошел старик «морды» проверять. В одной ничего, в другой один карасик ледащенький, а в третьей волшебная рыба – невелика, а только никогда старик такой не видел: чешуя золотая, голова серебряная, а перья рубиновые, свет от рыбы идет радужный…

– Отпусти, – говорит волшебная рыба, – меня в море. Я тебя отблагодарю.

– Не могу! – говорит старик. – Мы артелью рыбу ловить уговорились. Я тебя атаману сдать должен, он уж рассудит.

– Знаю, как он рассудит, – говорит рыба. – Не видать мне больше вольной волюшки, а у меня дети малые, отец с матерью старые.

Жалко стало старику, махнул он рукой, да и выпустил рыбку в волны! Вильнула волшебная рыба рубиновым хвостом да и была такова.

С тех пор старик не знал, что такое неудача. Один он столько рыбы ловил, сколько вся артель не ловила. И стала его старуха донимать:

– Зачем ты в артели ломишь?

– Да ведь я казак! Мы испокон веку все сообща делаем. Как же без товарищей?

– Какие они товарищи – пьяницы да гуляки. Ты один ломишь, а они на твои барыши гуляют.

– Да ведь нет в том моей заслуги! – и рассказал жене про волшебную рыбу.

– Да откуда ты знаешь, что это она в твои сети рыбу загоняет, ты, может, сам рыбак умелый.

– Да век такой удачи не было! Сколь не закину сети, столь и поймаю! Вот с этого часа вся станица в достатке живет да богатеет.

– А ты пойди да проверь, – говорит старуха. – Покликай рыбу, а коли она тебе потрафляет, так пусть сразу золота даст, а не рыбу в сети гонит. Станем жить без труда! Не молоденькие уже, пора и отдохнуть.

Поплыл старик на баркасе на то место, где волшебную рыбу поймал. Похлопал веслом по воде, позвал волшебную рыбу. Выплыла она, блеснула на солнышке золотыми боками да серебряной головой.

– Что, – говорит, – старик, аль тебе моя служба не в прок? Я свое слово держу – много тебе рыбы в сети загоняю. Вижу я, как с моих трудов вся ваша артель богатеть стала – по всему берегу новые курени стоят, таможню под железную крышу подвели, на церкви купол позолотили…

– Да премного вами довольны! – старик говорит. – Однако, ежели с нашей стороны услугу вы видите и отблагодарить нас хотите, то желательно было бы не рыбой, а золотом получить.

– Хорошо! – говорит рыба. – Можно и золотом. Откуплюсь, мне и хлопот меньше. Хотя весело было рыбу твоей артели в сети загонять, Я уж было к вам попривыкла. Народ, вы веселый, дружный и поете склад но. Дам я вам на артель котел золота. Не маловато ли?

Старик разохотился, да вовремя удержался. И то от золота баркас так огруз, что едва бортами воду не черпал, еле старик до дома добрался.. Ахнула старуха, когда золото увидала и давай причитать:

– Где мы такое богатство пря тать будем?

Старик говорит:

– Чего прятать, это ведь на все: дадено!

– Еще чего! – кричит старуха. – Ты ловил, тебе удача, а вахлаков-то твоих на кой ляд содержать? Какая их заслуга?

– Эй, старуха! – рассердила казак. – Я казак прикоренный, я от товарищей никогда не откажусь! Ні всех, стало быть на всех!

– Да? – говорит старуха. – А – ты им расскажи, как ты волшебную рыбу от дележа-дувана утаил! Враз узнаешь, какие они тебе товарищи, і как отец-атаман тебя помилует. Добро, коли плетюганами наградит, то в куль, да и в воду! А уж на пай свой не надейся! За измену не то что пая – жизни лишат.

Смутился старик:

– Чего ж делать!

– Я и сама знаю! – отвечает старуха. – Прознают ведь казаки твои чертовы, что нам золото привалило, мигом отымут, да раздуванят и пропьют-прогуляют, сопливым своим ребятишкам на пряники раздарят Иди – ко ты к своей рыбе да попроси ее, пусть она нас сильными сделает і такими, чтобы нас все боялись и по дойти к нам не смели.

Старик скорее в лодку да к волшебной рыбе.

– Хорошо! – говорит рыба. – Как только вы со старухой к золоту прикоснетесь, так и станете сильными, и все бояться вас станут.

Приехал старик домой.

– Ну, старуха, – говорит, – все в порядке. Как до золота коснемся, какими надо сделаемся.

Бросились они со старухой к котлу, дотронулись до золотых монет, да и превратились в тигров.

Зарычали, заметались по куреню, на баз выскочили. Увидали их артельщики-станичники, бросились в разные стороны, кто куда! На колокольне сполох ударили.

– Тигры из плавней в станицу зашли.

Похватали казаки ружья да пики, вилы да сети, окружили дедовский курень. Тигры по двору мечутся, рычат. Атаман и говорит:

– Что мы на них пялимся! Это тигры-людоеды – старика со старухой схарчили! Их непременно застрелить надо.

Так и сделали. Да еще потом дивились долго: почему у тигров убитых шкура такая золотая с разводками, как на старинных монетах. Эти две шкуры потом в Астрахань купцам продали – большой барыш взяли.

А деда с бабкой долго вспоминали, жалели их, потому как и отпевать в церкви нельзя – тел-то нету, без вести пропали.

ОТЦОВСКАЯ ПУЛЯ

Охотились отец с сыном на кабанов в тугайных зарослях. И сильно им не везло, да так, что беда случилась. Подняли они кабанов с лежки – сын за стадом погнался, да не заметил, как самый старый и опытный кабан приотстал и бросился на отца. Обернулся казак, а его отец лежит, кровью истекает – живот ему кабан распорол. Дотащил казак отца до землянки, уложил, как мог перевязал…

– Видно конец мой приходит, – говорит отец. – Я жил честно, устал сильно и смерти не боюсь, как Господь решит, так и воздаяние посмертное приму, а вот через то жалкую, что оставляю тебя нищим, никаких у нас с тобой достатков нет.

– Как нет?! – сын отца утешает. – Какое ты мне здоровье дал: руки-ноги крепкие, глаза меткие, на плечах голова, а не котел, да честное имя.

– Из чести шубы не сошьешь, – говорит отец. – А все ж ты ее береги. Без чести у нас ничего совсем не останется. Потеряем честь, чем на страшном Суде оправдываться станем? А вот тебе наследство: мультук, боевые припасы да мешочек соли… Да возьми еще пулю свинцо-

вую, старинную, что у меня на гайтане рядом с крестом висит. В Хивинском походе она в меня попала, да не убила. Прими сынок пулю, в моей крови омытую, и родительское благословение на все доброе и светлое, а на худое и темное благословения моего родительского тебе нет.

С тем и умер.

Похоронил сын отца. Повесил на шею пулю, собрал припасы в мешок, мультук на плечо закинул да и пошел через пустыню к постам казачьим. Какая уж теперь охота? Один остался. Надо к людям выбираться.

Семиреченцу пустыня – дом родной. Идет от колодца к колодцу по ночам, днем в тени отдыхает. И воды для него в пустыне полно, и еды. А небывалому-то человеку в пустыне смерть.

Вот вышел он на берег озера – мелководного да теплого. Смотрит на берегу люди лежат – умирают. Спрашивает:

– Что случилось? Кто вы такие?

– Мы, – отвечают, – купцы из Китая. Возвращались с караваном из России, на нас аргыны напали – ограбили. Еду и верблюдов забрали, вот лежим, смерти дожидаемся.

– Кто же возле еды с голоду умирает? – говорит казак. – Тут в озере рыбы полно!

– А у нас сетей нет.

– Да на что сети? Так наловим. – Поймал казак кузнечика-кобылку, вытянул у китайцев из халата шелковую нитку на леску, а отцовскую пулю вместо грузила привязал. Только закинул, аж вода закипела – так рыба на приманку бросилась. Никто, видать, ее прежде не лавливал. Часу не прошло – казак уже и ухи наварил, и рыбы напек. Накормил китайцев, а они только языками прищелкивают да головами качают.

– О, наш спаситель, ты великий волшебник!

– Да ладно! – говорит казак. – Попробую – ка я караван ваш отбить.

– Разве это возможно? – китайцы говорят.

– Конечно, невозможно! – Казак отвечает. – А только мне без верблюдов вас отсюда не вытащить. Идти-то вы не можете – больные все.

Наловил он для караванщиков язей, чтоб запас был, отвязал отцовскую пулю от лески, повесил на шею да и пошел в ту сторону, куда разбойники верблюдов угнали.

Но решил он не по следам идти, а через барханы напрямую.

А в пустыне совсем воды нет, только колодцы редкие встречаются. День шел казак, ночь шел, да еще день, и еще ночь. На третьи сутки кончилась у него вода, не рассчитал. Колодец повстречал, а он пересох весь. Отлежался казак в жару самую и через пески дальше поплелся. Жажда его совсем замучила, совсем казак силы потерял.

– Эй! – думает. – Был бы отец жив, подсказал бы, что делать.

Достал пулю, покатал на руке. И точно его подтолкнул кто – положил пулю в рот. Языком перекатывает – легче стало! Еще десять верст прошел, к колодцу вышел, где разбойники ночевали. Подполз поближе, слушает.

Сидят разбойники у костра, разговаривают-сокрушаются.

– Добычу взяли хорошую, нам соболей и куниц русских до конца дней хватит, а главного верблюда рогатая птица унесла. Там в тюках драгоценные камни были.

– Надо было камни вам, ишакам, раздать! – говорит их предводитель, старший разбойник Алтын-бек. Казак его сразу узнал. – Если бы даже одного из вас рогатая птица унесла, все меньше бы убытку было.

– Лучше бы мы всех верблюдов потеряли, чем этого одного! – вторят ему аргыны.

– Глупости говорите! – Алтын-бек их ругает. – Ослиные вы

головы! Как бы мы до этого колодца дошли! Подыхали бы, как те китайцы, что мы у озера бросили, с голоду! Без верблюдов эту пустыню не перейти!

– Вам не перейти, а я перешел! – думает казак. – Пуля отцовская помогла.

Долго болтали аргыны, дожидались, пока дневная жара спадет. А казак в песок зарылся, да слушал. Потом напоили аргыны верблюдов, навьючили, сели ужинать… А казак, как змея, к верблюдам подполз, колокольчики отвязал, да и угнал караван. Часа три верблюдов вскачь гнал, только потом остановился передохнуть, да первый раз немного воды попил. Осторожно, чтобы не умереть!

Погони за ним не было. У аргынов ни верблюдов, ни лошадей не осталось. Пускай к себе пешком возвращаются по краю пустыни, где озера есть. А казак наш по барханам пошел! На четвертый день к китайцам вышел.

Они-то уж думали, что он погиб, и свою судьбу оплакивали – понимали, им самим без проводника из незнакомых мест не выйти.

Уж они его благодарили, уж они удивлялись, как он и сам ушел, и верблюдов увел, и весь товар вернул.

– Как же это тебе удалось?

– Пуля отцовская помогла, – казак отвечает. Китайцы, конечно, ничего не поняли, а казак им не объяснил.

Вот наловил казак напоследок рыбы, набрали купцы бурдюки воды и тронулись в путь.

– Только пойдем мы путем дальним! – казак говорит. – Чтобы нас аргыны не перевстрели!

Долго ли, коротко ли идут, порох они весь истратили, сайгаков стреляли, а скоро рыба вся кончилась. Воду у колодцев набирали, а еды совсем нет. Хотели верблюдов резать, да казак не дал.

– Тут, – говорит, – горы недалеко. Орлы большие летают, я вам орлов наловлю, а вы их зажарите! Говорят вы, китайцы, большие повара.

А ловить вот как наловчился: привязал пулю к шелковой нитке. Сам ляжет на бархан, будто мертвый, орлы слетятся падаль клевать, он метнет в них пулей, да шелковой ниткой и опутает. Китайцы потом из орлов жаркое делали: ничего – вкусно!

Вот лег казак однажды на бархан – приготовился орла поймать, как вдруг раздался страшный шум, не успел казак опомниться, а уж по небу летит! Подхватила его рогатая птица, про которую он прежде слыхивал, а видеть никогда не видывал, да высоко в горы унесла.

Опомнился он в большой пещере. Ощупал себя: руки, ноги целы, кости не поломаны, а синяки кто считает! Стал осматриваться. Рогатой птицы нет, видать, на охоту улетела, а его про запас оставила, может, к ужину, а может, и к завтраку. А то, что склюет она его обязательно, у казака и сомнения не было – полным-полна пещера костей. Тут и конские, тут и сайгачьи, тут и верблюжьи, есть и человеческие. Одни кости белые, совсем рассыпались, другие свежие. А в дальнем углу лежат горами сокровища, тут в истлевших тюках и посуда золотая, и оружие в серебре. А один тюк поновее других будет. Развернул его казак, а там камни самоцветные. Догадался он, что это тот тюк, о котором разбойники говорили. Вот где отыскался.

– Ладно, думает казак, мне тут сокровищами любоваться некогда! Надо выход искать. А выход – вот он, пещера не запертая, да только у самого входа пропасть бездонная – не выйдешь. Казак туда камень бросил, а как он на дно упал, не услышал. Однако пропасть не больно широкая, а на другом краю пропасти дерево растет. Прикинул казак – как раз оно через пропасть-трещину мостом ляжет.

Достал пулю отцовскую, к нитке шелковой привязанную, поцеловал ее и говорит: «Выручай пулька, в отцовский крови омытая», – да и метнул на вершину дерева. Зацепилась пуля за вершину, обмоталась вокруг ствола. Казак дерево потянул-потянул, до веток добрался да и пригнул ствол через пропасть. Взвалил на плечи тюк с драгоценностями, переполз по дереву на ту сторону, а там и тропка отыскалась, через день в долину спустился.

В долине казачий пост стоит, казаки границу стерегут. Те самые казаки, к которым он шел. Накормили его казаки, напоили, стали расспрашивать, как он пропал, да где странствовал. Парень рассказал, показал тюк с драгоценностями. Казаки говорят:

– Что ж нам тебе не верить! Мы эту рогатую птицу знаем! Она над нами часто летает.

– А что ж вы ее не убьете?

– А зачем? Она нас не трогает! Приказа убивать ее не было. Эдак мы станем палить, куда не попадя – скоро на земле одни камни да песок останутся.

Урядник говорит:

– Ты, паря, не больно рассиживайся. Там тебя купцы дожидаются. Помрут ведь ни за что, ни про что. На тебе грех. Казачьей чести урон.

Растолковали ему, как до Китайского царства добраться, дали верблюда для поклажи, припасов воды, пуль да пороха. Напоследок посмотрели камни драгоценные.

– Чего от них люди с ума сходят? Ни вида в них, ни пользы. Ну, блестят. Так с этого блеску сыт не будешь. Ну, их к бесу! Отдай китайцам от греха, а то им богдыхан за потерю головы поснимает. У них это быстро!

Простился казак со своими, повесил на шею пулю отцовскую и поехал купцов искать. Дня через три нашел. У китайцев от радости ажник речь отнялась. Глядят на него, руками охлопывают, а сказать ничего не могут. Поначалу-то думали, что он оборотень! Видели, как его птица рогатая унесла, уже по нем и отходную отслужили, а он вот – живой стоит. А как достал он пропавшие драгоценности, так купцы перед ним на колени попадали. Не то он волшебник, не то святой.

– Да какой я волшебник, – парень отнекивается, – мне вот пуля отцовская помогла.

Через месяц привел казак караван в Китай, в целости и сохранности.

В Китае народу полным полно. Все кричат, все бегают. Бабы в штанах, а мужики с косами. Ну, да это казаку не в диковину – он китайцев и прежде видал – в Верной крепости: меха, которые с отцом промышляли, китайским купцам продавали.

Как они в китайский город въехали – набежала тут народу тьма-тьмущая, вся купеческая родня, все знакомые. Уж они казака расхваливали, благодарили, его от стыда в жар бросало. «Да что вы, – говорит, – право слово, мне совестно! Ну, вывел из пустыни и вывел, на то я и казак».

Вот, дней через несколько, ведут его к богдыхану – правителю, во дворец.

Такой роскоши казак никогда не видывал. Стоит золотой дворец в райском саду. В этом саду деревья диковинные, на деревьях птицы невиданные сидят, сладкие плоды-ягоды клюют. Во дворце все в коврах да в шелках, кругом стража стоит, а сам богдыхан сидит на золотом троне, над ним балдахин с колокольчиками. Подле трона табуреточка золотая, тут положено богдыхановой дочери сидеть, ан вот нет никого. Богдыхан ну казака хвалить-благодарить, казак отмалчивается да отнекивается. А купцы поддакивают, да все рассказывают.

Богдыхан слушал-слушал да и говорит:

– У меня дочь больна, мог бы ты, к примеру, ее вылечить?

– Да нет! – говорит казак. – Я не доктор, в этом деле ничего не понимаю, лечить не умею.

– Не скромничай, – говорит богдыхан. – Мы знаем, что ты великий волшебник. Лечи! А не вылечишь – отрубим тебе голову.

Вокруг стража стоит, мечи-то у стражи наточены, мигни богдыхан – враз голову снесут.

Делать нечего, пошел казак к богдыхановой дочери. Лежит девушка в своей спальне на серебряной кровати, все окна шелком алым занавешены, все ставни плотно затворены, кругом горят свечи да курильницы – дым глаза ест! Духотища – не продохнуть.

Вокруг принцессы няньки-мамки, слуги да плакальщицы – все воют, причитают, друг перед другом стараются.

Принцесса лежит вся бледная, махонькая – личико с кулачок, цветом как лимон.

– Во! – думает казак. – Тут и здоровый больным сделается, в уме тронется.

– А ну-ко! – говорит богдыхану. – Прикажите всех гнать в три шеи с ихней музыкой!

Все курильницы загасил, свечи задул, ставни вышиб, окна растворил. Пошел в покои свежий воздух сада. Принцесса свежего воздуха вдохнула и улыбнулась. Тут все придворные закричали, обрадовались. Богдыхан говорит:

– Лечи ее хорошенько! Не вылечишь – голова с плеч. Делать нечего. Подумал казак да и вывез принцессу от гула и шума городского на берег реки в широкую степь. Поставил юрту, стал охотиться. Быстро принцесса на вольной волюшке на поправку пошла. Казак ее сайгачатиной кормит, кумысом поит да песни поет. Недели не прошло, а принцесса уже из юрты выходить стала. Две не минуло, а она в степи стала цветы собирать да букеты составлять. А на третью неделю казака окликнула, а у нее с губ алый рубин и две жемчужины упали.

– Это что еще за чудо? – казак говорит.

– Это моя погибель, – говорит принцесса. – Из-за этого моего таланта меня взаперти держат, да все время петь заставляют, тогда у меня с губ алмазы сыплются. А казна богатеет. Мой отец, богдыхан, хоть и любит меня, а богатство любит больше, совсем меня замучили, я от того и заболела. Зачем ты меня вылечил?!

– Господи ты Боже мой! Да что вы тут помешались все на камушках-то этих! На что они нужны? В наших местах горсть таких камней краюхи хлеба не стоит.

– А где такие места?

– В России, в Семиречьи. Где я родился, где отец мой похоронен.

– Как бы я хотела там побывать! – говорит принцесса.

– Бежим! – говорит казак.

– А ты меня замуж возьмешь?

– Можно и замуж. Вот окрещу тебя в станичной церкви и повенчаемся!

Ночью, когда только караулы не спали, те, что охраняли или стерегли казака и принцессу, он незаметно вывел двух коней, обмотал им копыта тряпками, усадил принцессу, взял запас воды и припасов, винтовку – мультук, порох да патроны и ушел в сторону гор, через пустыню.

Утром хватилась стража, а беглецов и след простыл. Немедля снарядили погоню – сотню всадников на лучших конях!

Да разослал богдыхан строжайший приказ ко всем окрестным племенам: перехватить беглецов, а кто перехватит – тому награда обещана.

От стражников казак с принцессой легко ушли, а вот как в пустыне оказались, стали нагонять их аргыны. Догадались они, кто принцессу увез – их давнишний обидчик, что у них добычу и верблюдов отнял. Нагнали аргыны беглецов на свежих конях, не уйти казаку.

– Вот что, – говорит он принцессе, – видать не судьба нам вместе быть. Бери коней и скачи в сторону гор, а меня не поминай лихом – я их задержу, а может, и сам как-нибудь выкручусь… Ищи казаков, они тебя в обиду не дадут.

Не хотела принцесса уезжать, плакала, просила, чтобы не гнал ее казак.

– Если меня любишь, – говорит он, – беги. Беги ради Бога, а то разбойники тебя лютой смерти предадут.

Умчалась принцесса. А казак лег за барханом и начал разбойников пулями из седел ссаживать. Сколько пуль у него было, столько врагов и положил. Перебил всех бандитов, остался один – предводитель Алтынбек.

– Эй, казак, – кричит он из-за бархана. – Это говорю я – Алтынбек, мое слово золотое крепче стали! Давай подружимся. Живи у меня гостем со своей принцессой. Я тебя содержать, кормить-поить буду, а камни драгоценные будем делить поровну. Давай дружить.

– Эй! – кричит казак. – Это по вашему Алтын – золотой, а у нас, у казаков, алтын – три копейки! Да слово твое и трех копеек не стоит! Дружил волк с кобылой, оставил хвост да гриву. Иди-ко подобру-поздорову своей дорогой, а я своей пойду!

Совсем озверел Алтынбек, стрелял-стрелял, припасу-то у него много, а все мимо.

А казак снял с гайтана отцовскую пулю, зарядил в последний раз свой мультук.

Уже стемнело, и в темноте хотел казак уйти через барханы. Тут вспыхнул выстрел Алтынбека, а казак его не услыхал – пуля ему в грудь попала.

Встал из-за бархана Алтынбек, захохотал. Пасть свою поганую раскрыл, а казачий мультук возьми и выстрели! Влетела отцовская пуля в разбойничью голову, разнесла ее вдребезги и пропала в песках.

Хорошо, конечно, что разбойник пропал, да что толку, наш-то казак убитый лежит, мертвый.

Вернулась китайская принцесса. Она по дороге купцов встретила, которых казак от смерти спас, – те живо караван повернули да за казаком поехали. Быстро дошли, да маленько припоздали – казак-то еще теплый, да не живой.

Заплакала принцесса, заголосила, посыпались у нее с губ алмазы чуть не по кулаку. Купцы ей говорят: «Что даром плакать – привяжи мешок шелковый да и плачь туда».

– А зачем вы такое говорите! – принцесса плачет. – Мне без этого казака все не мило.

– И нам его очень жалко, – купцы отвечают. – Однако, что же богатству-то зря пропадать.

Положили они казака на верблюда и повезли его к горам Алатау, где казачьи посты стояли.

– Он, – говорят, – казак, пусть с ним его народ разбирается, может, у них какое лекарство есть, которого и мы не знаем.

Приехали на линию, казаков встретили. Загоревали казаки.

– Много, – говорят, – у нас разных средств есть, а только от смерти нет лекарства. А жалко парня! Вон у него серьга в ухе – последний в роду, на нем фамилия кончается. Никак ему помирать нельзя.

Вдруг над ними зашумело. Прилетела рогатая птица. Села на гору и говорит человеческим голосом.

– Эй, люди с малиновыми полосками на штанах, с длинными мультуками! За то, что вы не разрушаете мое гнездо, я вам помогу. Далеко в горах Тибета живет старый лама-знахарь, он умеет вылечивать мертвых. Приготовьте мне еды и воды в бочках, поставьте на спину, посадите принцессу и вашего мертвого, я их отнесу.

Казаки мигом все свои припасы отдали, воды набрали.

– Давай-давай быстрее! Мы себе дичины настреляем.

Все управили, полетела птица, понесла принцессу с убитым казаком.

Долго ли, коротко летели. Прилетели в Черные горы, что небо на вершинах снежных держат. Тут старый лама-знахарь живет. Лама мертвого осмотрел и говорит:

– Можно воскресить, но это очень дорого будет стоить. Нужно будет вместо этого мертвого смерти какой-то откуп дать.

Принцесса говорит:

– Вот драгоценные камни и алмазы, что у меня изо рта сыплются – возьмите, они дорогие.

Лама говорит:

– За эти камни ты еды и воды на обратный путь купишь. За мое лечение иной выкуп требуется. Вот ты подумай: ни казак твой, ни купцы, ни ты за дела свои деньгами не расплачиваются! Казак за все жизнью платит, вот тут цена какая… Подумай, чем расплатиться можешь.

Принцесса и думать не стала:

– Возьми, – говорит, – мой талант – что с губ при каждом слове драгоценные камни сыплются, мою молодость и красоту, только воскреси казака моего.

– Правильно, – говорит, – ты рассудила. Правильно все поняла. Возьму я талант твой. Он тебе самой в тягость, отдам другой принцессе – будет ей испытание. А красоту и молодость себе оставь – молодость и красота вам с казаком самим пригодятся.

Спрыснул он казака из черной бутылки мертвой водой. Раскрылась у казака грудь простреленная, в пробитом сердце пуля лежит. Вынул ее лама, отдал принцессе.

– Он неделю спать будет. А проснется – год выздоравливать будет, ты его береги.

На прощание поднес лама принцессе ковшичек с питьем, она выпила, и хорошо ей стало, и весело. Засмеялась, а с губ камни не посыпались. Забрал лама ее талант.

Погрузилась принцесса на птицу, полетела птица. Летят над горами крутыми, казаки им снизу фуражками машут. Летят над пустынями песчаными, китайские купцы им кланяются, счастливого пути желают. Прилетели в долину реки Или. Тут принцесса с рогатой птицей простилась, положила казака под раскидистым орехом на кошму, а он и очнулся.

– Долго же, – говорит принцесса, – ты был без памяти.

– Э… А что же камни-то у тебя с губ не сыплются? – казак спрашивает.

Рассказала ему принцесса, как спасала его мертвого. Напоследок достала пулю, что лама из казака вынул, и говорит:

– Вот теперь это все наше богатство, таланта-то моего больше нет. Теперь он у другой принцессы появился.

– Жалко мне ее! – говорит казак. – Такая этот талант тягота! А что богатства нет – это как считать! Мы с тобой молодые, здоровые, сильные да любим друг друга, кругом наша родина, чего еще желать?

Стали они жить-поживать, как положено семиреченским казакам. Казак охотился, сеял хлеб, на службу ходил – границу стеречь, караваны охранять, а принцесса по хозяйству, по домашности. Скоро у них детишки пошли, семиреченские казачата. Старшему отец пулю подарил в своей крови омытую, что у него знахарь из сердца вынул. Единственную свою драгоценность, и нет ее дороже.

Поспрашивай у казаков – в каждой семье такая пуля есть, а то и не одна.

ВДОВЕЦ И ЛЮДОЕД

Служил в гвардейском полку урядник – первый стрелок во всей Гвардии. В темноте на слух в комара попадал. Служить бы ему, да служить – на каждом смотру все призы за стрельбу забирал. Царь с ним на Пасху с первым из нижних чинов христосовался. Вдруг приходит из станицы депеша – жена померла. Мальчонка урядников один сиротою остался.

А у казака никого родни не было. Он, как депешу получил, сразу государю прошение – тот его на льготу и в чистую.

Помчался казак домой. Сколько лошадей загнал дорогой! Мальчонку своего у соседей забрал и ушел на дальний хутор. Поселился там в пустом курене, стал своему мальчишке и отцом, и матерью! Ни на минуту с ним не расставался и на охоту с собой в башлыке таскал, благо мальчонка еще маленький. И на пахоту, отец на сабан налегает, а мальчонка на ярме сидит – хворостиной быков погоняет.

Мальчонка тоже рос подстать отцу, добрый да смышленый, работящий да ласковый. Многие казачки на отца с сыном поглядывали, многие хотели уряднику женой стать, а мальчонке матерью, да те только посмеивались: «Нам и вдвоем хорошо!»

А жить-то стали и впрямь хорошо. И худобы завели много, и пашню хорошую держали, и сад рассадили, а больше всего охотой да рыбалкой промышляли. И всегда вместе; работают вместе, спят вместе, песни поют вместе, даже стреляют вместе – отец целится, а сын второе ружье заряжает…

Так бы и жили, да появился в тех местах великан-людоед. Пришел он с гор. Поселился в чащобе, куда не пройти, не проехать ни пешему, ни конному.

Повадился он детей таскать. Казаки со всех хуторов и станиц в облаву на него ходили, но он их камнями закидал, скалами завалил. Потому незаметно к нему подобраться нельзя – был он трехглазый и треухий, как бы крепко ни спал, а все одно ухо да один глаз не спали – все видели и все слышали. А ручищи у него, как оглобли, а ноги, как колодезные журавли,

шаг шагнет – сто саженей! Рукой махнет – запряжку волов валит. А страшный! Весь шерстью покрытый, из рта клыки, что твои кинжалы, торчат!

Собрались казаки на круг и порешили в новые места переходить. Ничего не могут ведь с людоедом поделать! Ни в строю, ни россыпью его не взять!

Пришел вдовец с круга расстроенный, сел у огня. Сынишка говорит:

– Что ты, отец, саламаты не ешь, что ирьян не пьешь, чего не весел?

– Уходим мы, сынок! – Отец говорит.

– А курень, а хозяйство, а пашня?

– Все бросаем! Людоед всему карачун навел. Круг решил от людоеда уходить в новые места.

Мальчонка маленький был, а толковый:

– Да нешто он от нас отстанет? Ему только покажи слабину-то – он за нами пойдет и всех заест! Тут-то мы дома, нас дедовские стены да церкви берегут, а в степи куда сховаемся? И кто знает, нет ли в новых местах такого же людоеда? Попадем из огня да в полымя!

Взял вдовец сынишку на руки и поцеловал.

– Совсем ты, – говорит, – у меня большой стал, разумный! Ишь, как выводишь – прямо писарь полковой! Но рассуди: детишков таскает, эдак он всех переест. А вас, знаш, как жалко!

– Жалко, а бежите! Куда бежите –то?! Эх вы, казаки! Был бы я побольше, уж я бы ему показал! Я бы не сробел!

– Не сробел бы, говоришь?

– Стыдно робеть! На нас мамушка с небес смотрит, как робеть-то?

– То-то и оно! – сказал вдовец. Уложил малыша спать, перекрестил на ночь, а сам никак уснуть не может. Ворочается, а сон не идет. Под утро забылся и увидал во сне жену.

– Уходите? – спрашивает.

– Уходим.

– А ты подумал, сколько детей умрет в дороге и в новом краю?

– Что же делать?

– У тебя сын есть! – сказала жена и растаяла, как облако.

– Так я потому и ухожу, что мне его жалко! У меня кроме него никого нет! – закричал вдовец и проснулся.

Около постели стоял сынишка.

– Отец, – сказал он. – Я во сне маму видел, она нам велела никуда не ходить! Я ее спросил, что нам делать, а она говорит: Отец знает!

Вдовец схватил сынишку на руки, пал на колени перед иконой и взмолился со слезами: «Владычица Богородица, вразуми! Все святые угодники, молите Бога о нас». А мальчик молча вытирал ему ладошкой слезы.

– Вот что! – сказал вдовец, когда помолился и успокоился. – Мы никуда не пойдем, мы биться станем.

– И я!

– И ты! Не забоишься? Ты, сынок, приманкой будешь!

– Я когда с тобой, ничего не боюсь.

Взял урядник все оружие, какое было в доме, все зарядил. Взял из сундука лучший свой чекмень, папаху и пошли они к той тропе, по которой людоед спускался с гор. Вдовец выбрал место, развел маленький костер, а на сухое дерево надел свой чекмень и папаху, только сначала все сучки на коряге заострил.

– Ну, сынок, – говорит, – молись и ничего не бойся, а я тут рядом в засаде буду! Ничего не бойся!

– Да ладно, отец! Ты сам не бойся! – сказал мальчик, усаживаясь у огня.

Вдовец себя дымом окурил, чтобы человеческий дух отбить, и лег так, чтобы стрелять было удобно.

Но он не знал, что у людоеда было одно волшебство – умел людоед напускать на людей сон.

Вот проухал пугач полночь – людоед вышел на охоту. Принюхался, почуял мальчика, дохнул раз, дохнул два – уснули мальчик с отцом. Стал людоед к костру подкрадываться…

Спит мальчик и снится ему, что мать через реку по льду переходит, а лед тонкий, трещит и гнется, а впереди полынья-промоина. Вот мать провалится! Вот не увидит промоины! Закричал мальчик ей «Мама!» и проснулся.

А людоед уже совсем к костру подошел.

– Отец! – что есть силы, закричал мальчик, вскочил на ноги и выхватил свой детский кинжальчик.

Проснулся вдовец. Вскинул ружье. Закричал людоед – кинулся на ребенка. Отскочил мальчик, выстрелил отец и не понял, попал или нет?

Зарычал людоед, завыл, опять прыгнул! Отскочил мальчик! Выстрелил отец из второго ружья, почти в упор. Еще сильнее завыл людоед – мальчик через костер перескочил, кинжалом перед собою размахивает.

Бросил отец ружье, кинулся к сыну, страшный свой длинный и широкий кинжал вытащил. Повернулся к нему людоед, в три глаза на него уставился. Растопырил руки-оглобли.

– Эх, – успел подумать охотник, – не достану кинжалом! Вот бы пика была!

А мальчонка схватил горсть пепла и швырнул людоеду в глаза, завыл людоед, за глаза схватился. Ударил его казак кинжалом в живот. По рукоять кинжал вошел, кровь черная брызнула фонтаном! Раскрыл людоед один глаз, бросился на казака, а тот отпрыгнул за сухостоину, на которой его чекмень висел, и напоролся людоед на острые сучки! Зарычал в последний раз. Прыгнул ему на спину казак и горло кинжалом перерезал. Издох людоед.

Бросился вдовец к сыну, а тот словно окаменел весь.

– Сынок! Сынок! – кричит. – Мы победили его!

Тут мальчик опомнился и заплакал.

– Что ты, что ты, родной!

– Ничего! – говорит мальчик. – Это из меня страх выходит, а то он внутри сидел. Теперь выльется слезами, и я, как ты, храбрый сделаюсь!

Пошли они к ручью, кровь отмыли, посадил отец мальчика себе на плечи и пошел в станицу дальше в покое да без страха проживать.

ЗЛЫДНИ

При государыне Екатерине переселили черноморцев на Кубань – новую границу охранять. Собрались они со всем скарбом да худобой, да с бабами, да со стариками и ребятишками и пришли в новые места. Места, спору нет, – хорошие, земля плодородная, а хоть к горам привычки нет, красоту их казаки сразу поняли. Однако трудно на первых порах приходилось. Местность безлюдная – жилья нет.

Вот один казак нашел пустое селение, в нем все от чумы умерли – один старик остался, бывший князь. Он, видать, в те поры, когда его соплеменники умирали, в отъезде был. Жил князь богато. Были у него и слуги, и усадьба, и скотина.

– Так и так, – говорит. – Вы здесь старший и по чину, и по возрасту. Где мне с детишками поселиться?

Указал ему князь саклю-развалюху, да так глазами зыркнул, что у казака сердце дрогнуло: не к добру.

Стояла халупа-развалюха в стороне от дороги, в месте сыром, в зарослях густых, вся от дождей оплыла да разъехалась. Казак крышу камышом перекрыл, стены побелил, печку

переложил, а на большее и времени нет – он ведь еще и службу нес, его чуть не каждый день на кордоны гоняли. И все у него не ладилось. То посевы посохнут, то скотина заболеет, то конь захромает, то огород горная река смоет.

Казак на себя поначалу грешил – мол, здешних мест не знаю, потому во всем промашку даю. А причина была не в нем, а в том, что в этой хате, куда его князь наладил, – злыдни жили. Да такие вредные, что ежли б казак с детишками да с бабой не перекрестившись да не помолившись хоть день прожили, так их бы к вечеру злыдни смертью уморили.

Раз выделили казаку в полку, как многодетному и беднейшему, харч войсковой к празднику: соли, крупы, сала… Приехал казак домой довольный да радостный. Наварили они кулеша с салом, наелись. Достал казак скрипку, стал играть, а музыкант был он славный, а жена подпевать, а детишки плясать. Пляшут казачата, отец на них любуется, а только видит рядом с ними человечки какие-то корячатся: уродливые, маленькие, ручки-ножки тоненькие, мордочки гадкие, злые, и все в басурманском платье и в татарских туфлях. Догадался казак – злыдни!

Отложил он скрипку – злыдни в разные стороны по щелям разбежались, толкались, топтались, но спрятались. Казак им говорит:

– Эй, хозяева этого дома, что вы по щелям сидите, вам же там неудобно!

– Да ничего! Удобно! Мы в любом месте поместиться можем!

– Да вам же там сыро! А у меня для вас квартира готовая есть.

– Какая квартира?

– Да вот газыри с чеканкой серебряной.

Злыдни из щелей смотрят – красивые газыри. А главное, ежели в газыри залезут, то станет их хозяин носить, а они будут всему полку казачьему вредить, по всей Кубани.

– Ладно, – говорят, – станем жить в газыре! Вылезли из щелей, понабились в газырь.

– Все ли? – казак спрашивает.

– Ну и слава Богу! – говорит казак. – Тут вам сухо и покойно будет, – да и забил газырь крышкой. – Спите на серебре.

Отнес газырь на старую мельницу, засунул газырь под самый тяжелый жернов.

– Оставайтесь тут навсегда! А то мне от ваших козней житья нет.

– Эй, казак, – кричат злыдни. – Неужто ты газырь серебряный бросишь? Это главное богатство в твоем доме.

– Главное богатство у казаков – детишки да иконы! – говорит казачок, – а это цацка, хоть серебряная, хоть золотая – пропади она пропадом!

С тех пор зажил он хорошо. С врагами замирение вышло, казак вокруг своего куреня заросли вырубил, стены просушил, пашню распахал, да такой урожай осенью собрал, что смог не только своих волов завести, а и свиней, и кур, и гусей, и овец! Живет – радуется, на скрипке играет – песни поет.

Прослышал про то старый князь, приехал к казаку. Черноморец гостю рад. Угощение на стол выставил, чарку налил. А старик не ест, не пьет.

– Как же это ты, казак, – спрашивает, – от бедности своей голой в достаток пришел?

– Да работаю, рук не покладая! – казак отвечает. – Вот мне Господь и помогает.

– Да ты ведь и раньше работал, что он тебе тогда не помогал?

– Кабы не помогал, давно бы мы в земелюшке лежали. А достаток приобресть мне тутошние злыдни мешали. Ну да я их вывел. Заманил их всех в газырь серебряный да на старой мельнице под жернов положил.

Князь скорей на коня и на мельницу. Нашел газырь. Открыл серебряную крышку и приказывает:

– Ну, злыдни! Выходите! На волю бегите, к своему обидчику, он по вас соскучился!

А злыдни пищат:

– Нет, мы к нему не пойдем! Он хитрый, опять нас как-нибудь обманет. Да и жизнь у него в хате для нас была не сладкая. Они утром и вечером всей семьею молятся, а нас от их молитвы по всем щелям трясет. Ты нас выпустил, мы к тебе жить и пойдем!

Не успел князь охнуть, а злыдни облепили его со всех сторон целым роем. Он их стряхивал-стряхивал, а так ни одного и не стряхнул. Поехал со злыднями в свою усадьбу. Не успел в ворота зайти, прыснули злыдни по щелям: и в дом, и в коровник, и в конюшню, и на псарню. С тех пор не стало у князя житья. Скот передох, коней украли, хлеб вымок, а овцы в реку забрели. Напоследок и усадьба сгорела. Кабы казак по доброте старому князю куска не давал, тот бы с голоду помер.

А не рой другому яму – сам в нее попадешь.

ДВОРЦОВАЯ СЛУЖБА

Эта служба, скажу вам, братцы, самая, что ни на есть, тяжелая. И не в том тягость, что цельные сутки стоишь, глаза растопырив, в полной ожидации – и царь может пройти, и министры какие! И не в том, что стоишь, как статуй бесчувственный, в старые времена казаков, которы во дворцовых покоях стоят, в мундиры-то зашивали, а после караула в сани валили, как поленья, да в бани на Казачьем переулке везли. На горячих полках вытаптывали – до того у них все тело затекало да костенело! И даже не в том тягость, что, неровен час, кака пуговка не блестит на мундире, или сукно морщится – враз в казарме от вахмистра внушению получишь, а в том, что дворец место нехорошее, и находиться там казаку, особенно «истинно верующему», очень даже грешно!

Потому там на стенах картины всякие висят, а на картинах мало что бабы толстомясые телешом намалеваны, так что ажник смотреть срамота; на каждой, почитай, второй – враг человеческий! И с рогами, и с копытами, и в дудку дудит и баб голых тискает – ад кромешный!

Иной казак стоит-стоит, у него от этих картин такое в голове кружение становится, что неровен час и сомлеет. Его в царский садик вынесут на снежке полежать, а после обратно в караул.

Но наш-то казак, про которого сказывать станем, к дворцовой службе присмотрелся, хоть и противно, и срамно ему на живописи энти красоваться, поскольку был он из честной семьи старой веры, станицы Кумылженской, да и не первый уж год служил – притерпелся!

А припало ему стоять в ночь перед Рождеством, когда нечистая сила полную власть имеет, – Спаситель-то еще не народился, мир Божий в самой что ни на есть темноте пребывает. Тут особо нужно Непременную молитву творить для обороны души.

Но казак наш об том не думал! У него, вишь ты, другое горе: пришло письмо из станицы – невесту его сватают! Вот он стоит и так умом располагает и эдак: кабы был сам-то в станице, непременно бы за себя ее взял, а не отдали бы добром – угоном увез. У него с невестой все давно решено да сговорено, и родители были не против… Кабы! Кабы он сам в станице был! А он как раз тут стоит, как истукан, прости Господи!

– Шут бы меня побрал! – не заметил, как вслух сказал. Сказал, а шут – враг человеческий – враз как есть тут! Из

картины, где с бабами толстомясыми в обнимку был намалеван, – выпрыгнул.

– Что прикажешь, казак, то все исполню.

Казак пригляделся: шут взаправдашний – и с рогами и с копытами —• морда козлиная.

– А мог бы ты, – говорит, – скажем, меня в станицу перенести!

А шут уж все наперед знает.

– Не только труда не составит, но можем вам на годок отпуск сделать, свадьбу сладить, опосля назад в сохранности! Только уговор…

– Эх! – говорит казак. – Шут с тобой! Знаю. Бери мою душу! Шут ажник ногами от радости застучал.

– Вот это, – говорит, – дело. Только у нас все по чести: сначала моя служба, а с вас пока расписочка.

Явилась сразу бумага, перо… Ткнул шут пером казаку в руку, крови добыл, казак-то бумагу и подмахнул.

И в ту же секунду в Кумылженской со сватами у своей невесты оказался.

А шут обличье казака принял, да на службу на год заступил.

Как его мундиром-то сдавило! А он сутулый, кривоногий, да не выправленный. Стоит шут, как в колодке, чувствует, не то сукно трещит, не то у него кости ломаются. Да это бы все не беда – ремни у него на одном плече! Все казаки ремнями перекрещены, потому, может, и в бою невредимы бывают, что и спереди и сзади на них ремнями имя Христово написано, а шуту такое никак невозможно. Не может он имя Христово на себе принять – враз исчезнет.

А идет мимо вахмистр старший по караулу, как увидал шута кривого, да что у него все ремни на одном плече, чуть его паралич не разбил. Схватил он шута за загривок, выволок под лестницу, да по морде, да по морде, чтоб службу понял! У того в голове кружение, а из глаз искры! А вахмистр его охаживает! И в брюхо, чтоб не отвисало, и по спине, чтоб крюком не была. По спине-то как наладил – так у шута казачья расписка из-за пазухи вылетела.

Вахмистр как увидел, до того в сердце вошел, до того кровью, как клоп, налился, аж синий отлив дал!

– Это! – спрашивает, – что? Это что за прокламация! Ах ты,

цицилист поганый! – да такую по шуту сапогами дробь дал, что снопу на току и то легче приходится!

Порвал вахмистр казачью расписку, не читая, чтобы, значит, вольнодумством не заразиться, а клочки-то все шуту в пасть затолкал! Дал кулаком по кумполу, тот клочки-то все и проглотил! Так расписка долго жить приказала.

А шут, от крутого мордобою, все волшебства свои позабыл. Да и то сказать – Рождество. Нечисть враз силу теряет.

Притащили шута в казарму.

– Ой, – думает шут. – Хоть я в праздник отлежусь! (Вишь ты, уж и Христову празднику рад!)

Только глаза закрыл, а дежурный урядник тут как тут:

– Ты чего разлегся! А коня доглядать?!

– Так ведь праздник, вашбродь, – шут лепечет.

– А нам что – на праздник коня в ланбард ложить? – Да по скуле, да по другой! – Я из тебя лень-то выколочу!

Притащился шут в конюшню. Кони от него шарахаются, копытами бьют. Они чуют нечистую силу. Ну, а в конюшне известно – кони забалуют – с казака спрос. Тут уж испробовал шут кнута ременного.

Приставили его на самую тяжелую работу: глину месить, да в денниках грунт менять. Заставили глину утрамбовывать – буфер вагонный, стало быть, в белы ручки да и танцуй.

Из конюшни бегом на плац, ружейные приемы учить, потом езда с джигитовкой, потом рубка лозы, и так каждый день! А чуть что – по скуле…

Спробовал за службу шут и порки, и карцера, спасибо казачки жалели: кто припарку на сеченую спину поставит, кто шкалик поднесет, чтобы с устатку кости не болели. Чаю-сахару одалживали, гостинцами из станиц делились.

Год прошел. Казак наш Кумылженский давно женился, первенца дождался и, как верный слову, со сменной сотней в полк вернулся.

– Как там мой, – думает, – шут его знает…

В ночь перед Рождеством прошел во дворец, на прежнее свое место, где по всем стенам похабные картины висят. Увидал себя у дверей в карауле, как в отражение посмотрелся.

– Здорово служите! – говорит.

Тут шут свое прежнее обличие принял.

Да какое прежнее – смотреть смешно. Стал шут выправленный! Грудь колесом, спина прямая, живот подтянутый. Копыта ровно стоят – начищены, как лакированные, хвост к бедру, как шашку придерживает, рога обломаны, в морда все от мордобою заплыла, лицо круглое – глаза щелочки, как есть калмык.

– Ой! – стонет шут. – Насилу я тебя дождался!

– Так и так! – говорит казак. – Ты свое дело сделал, забирай меня в ад, согласно расписке.

– Какая там расписка! Какой там ад! – шут стонет. – После такой службы любой ад раем покажется! Как вы только, казаки, такую службу терпите!

Поволокся он к картине, левой рукой за раму схватился, как на джигитовке учили, да на полотно и вскочил – бабы толстомясые на него только глаза растопырили. А он их и видеть не может – пошел куда-то за кусты, да там, видать, отсыпаться завалился. С тех пор его никто и не видел.

КАЗАК И ЗМЕИЩЕ.

Когда-то давным-давно прилетел с гор страшный – престрашный Змеище. Вырыл в лесу себе нору и лег отдыхать. А как выспался, налетел на соседнее село и закричал страшным голосом:

– Эй вы, хамы! Мужики и бабы, старые и малые, приносите отныне мне каждый день дань: кто корову, кто овечку, кто свинью! Станете носить – живы будете, а кто не принесет, проглочу!

Мужики да бабы, известное дело, перепугались! Стали Змею носить, что он велел* Разжирел Змеище, стал в десять раз больше и сильнее, чем был. Но у мужиков скоро все припасы кончились, носить стало нечего. Тогда Змеище и за людей принялся. Что ни день, а одного человека в селе не досчитаются.

Люди со страху как с ума сошли! Только и знают, что плачут да Богу молятся! А Змеище их ест да ест.

Ехал мимо казак донской: обыкновенный, ни молодой, ни старый, ни высокий, ни маленький. Одно слово: строевой – исправный! И звали его обыкновенно: Гаврилыч.

Проезжает он селом, а там крик стоит.

– Что, говорит, у вас за беда? Рассказали люди.

– Эх вы! – говорит Гаврилыч. – Русь ты моя лапотная! Что ж вы Змеище на свою голову выкормили? Сразу надо было его в ножи брать, пока он отощавший был. А теперь, вишь, схватились, когда половину ваших переел! Ну да ладно, чего горевать, надо грех исправлять.

Взял он нагайку свою боевую да и поехал в темный лес. Увидел его Змеище, глаза вытаращил.

– Ты кто такой, зачем сюда заехал?

– Разуй глаза-то! – Гаврилыч отвечает. – Я человек простой – казак донской! А приехал тебя, Змеище, бить до смерти!

– Ишь ты каков! – говорит Змеище. – Бежал бы ты поскорей куда глаза глядят, пока я сытый, а то как дохну огнем, да как свистну! На ногах не устоишь, за три версты отлетишь!

– Не хвались ты, старое пугало! – Гаврилыч отвечает. – Я иной раз с похмелья так дохну, что моя баба враз за семь верст отлетает А свистнуть могу твоего покруче. Ну – ко ты свистни!

Свистнул Змеище да так, что с деревьев листья посыпались, а казачий конь, строевой да крепкий, на круп сел.

– Э! – говорит казак. – Вот я свистну, так свистну. Только ты глаза завяжи, чтобы они на лоб не выскочили.

Завязал Змеище глаза платком, а Гаврилыч как свистнул его нагайкой поперек морды – у Змеища из глаз искры посыпались, а из ушей дым пошел.

– Неужели ты сильнее меня? – Змеище говорит. – Давай еще попробуем! Кто быстрее камень раздавит.

Схватил Змеище камень сто пудов, да так его лапами сжал, что камень в пыль рассыпался.

– Эва! – говорит Гаврилыч. – Я так сожму, что из камня вода закапает.

А у него в тороках сюзьма была. Свежая. Сжал ее казак и точно – видит Змей – вода побежала. Испугался Змеище, говорит:

– Проси у меня, чего захочешь.

– Чтоб казак, да просил? Ты что, Змеище, заболел?

– Хорошо! Давай дружить! – говорит Змеище. Сам думает: ужо я как-нибудь тебя изведу. А у самого все поджилки трясутся.

– Ты куда едешь?

– Домой! – говорит казак. – Аида вместе.

Двинулись они вместе. Долго ли коротко, время к полудню.

– Давай, – говорит Змеище, – подкрепимся. Поймай вола, а я пока костер разведу.

Пошел казак в лес. Нет его и нет. Пошел Змеище его искать. А Гаврилыч с липы лыко дерет.

– Казак, ты чего делаешь?

– Да вот лыко деру, веревку сплету, десяток волов поймаю, пяток сейчас съем, пяток домой прихвачу.

Тут у Змеища душа от страха в пятки ушла.

– Да зачем же так много? – говорит.

– У меня детишек пять человек – каждый на ужин не меньше вола съедает. А ты думаешь, откуда у казаков сила? Ты же сам видел, чего я могу.

– Видел! Видел! – соглашается Змеище, а сам думает: «Зачем я с ним поехал. Как бы ноги унести».

– Ладно! – говорит казак. – Шут с ними, с волами! Поедем быстрее ко мне! У меня ребятишкам кое-что получше волов приготовлено.

Тронулись они дальше. Змеище ни жив ни мертв. Подъехал казак к своему хутору, а ребятишки отца увидели, выскочили на дорогу, кричат:

– Тятя едет! Ата едет!

А Змеищу со страху чудится: «Еда едет! Еда едет».

Ополоумел он от страха, да как бросится бежать. Кинулся в лес без разбору, без дороги. Да провалился в болото и утонул!

А казак, когда через село проезжал, все мужиков поддразнивал:

– Эх ты, Русь лапотная! Что ж ты Змеища испугалася! Змеище-то и сам со страху подох. Сказано: молодец против овец, а против молодца – сам овца!

ГУСЕНОК ХРОМЕНЬКИЙ

*Ж*или-были в рязанском княжестве муж и жена. Жили, крестьянствовали, Бога не гневали, и меж собою ладно все у них, мирно да порядком. Да не было у них деточек.

Раз пошли они за грибами да нашли в болоте гусеночка, в ножку левую стрелою подбитого. Видать, гуляла тут охота княжеская, била гусей-лебедей число бессчетное, вот и этого не помиловала. Помирал он, для забавы подстреленный.

Взяли его муж и жена, принесли домой. Стрелу каленую вынули, косточку сломанную вправили, накормили гусенка хлебом да молоком. Лукошко пухом выстлали, гусенка хроменького туда положили да на теплую печку поставили – спи гусенок, отдыхай, ножку залечивай, а сами работать ушли. Возвращаются, а в доме прибрано. Воды из колодца нанесено. Коровник вычищен, молоко надоено, свиньи да птица домашняя покормлены. И стало так каждый день.

Утром гусеночка покормят хроменького да на работу пойдут, воротятся вечером, а в избе все слажено и ужин на столе горячий стоит.

– Кто же это нам все делает?

Вот раз взяли они, с поля раньше положенного вернулись да ко двору своему тишком подкрались.

Видят, по двору мальчик ходит хорошенький, в татарском платье пестреньком, в шапке мерлушковой, на левую ножку прихрамывает, а сам поет песенки. Да все ловко по хозяйству делает.

К нему пес хозяйский ластится, к нему кот на руки просится, за ним птица по двору табунком бежит, а корова из коровника зовет-мычит.

Выскочили крестьяне, обрадовались, обнимают мальчика, целуют:

– Да откуда же ты взялся? – говорят.

– А я, – отвечает, – тот гусенок хроменький, что вы в болоте нашли, от смерти спасли! Вот я за добро вам и плачу, и дале с вами жить *хочу,* как с отцом, с матерью… Только не трогайте моих гусиных перышек, что я в лукошке оставил.

Зажили они счастливо. Хозяйка мальчику не нарадуется, хозяин мальчиком не нахвалится. Они в поле пахать уедут, мать блины печет, дожидается. Они вечером воротятся, мать их кормит, любуется: расти, наш гусенок хроменький.

А как стало ближе к осени, стал гусеночек на небо поглядывать. Вот летит стая гусей-лебедей – увидели его, закружили над избой.

– Эй, – кричат, – не ты ли гусенок хроменький? Летим с нами в родные места.

– Нет! – отвечает мальчик по лебединому. – Мне и тут хорошо. Хоть и манит меня на родину, а у меня тут отец с матерью. Как я брошу их – они старенькие!

Крестьяне эти речи слушают – у них душа замирает. А ну как улетит их сыночек писаный, их гусенок хроменький?

Вот взяли они раз, не подумавши, да сожгли лукошко с перышками. Чтоб гусенок их не покинул.

Как увидел мальчик, заплакал горько:

– Что вы, – говорит, – отец с матерью, наделали! Как хранились тут мои перышки, так была здесь моя родина, а теперь унесет меня ветер северный во донскую степь на реку Хопер, не видать вам меня во веки вечные!

Налетел ветер, пурга северная, подхватила гусеночка да и унесла неведомо куда.

Сколько крестьяне не плакали, сколько не кликали сыночка, а ничего не докликались.

Много, мало ли времени минуло, а совсем крестьяне состарились. Не могут работать ни в поле, ни по дому, а кормить их задаром некому. Взял их князь да и продал татарам-половцам. Поменял на линялого сокола. Повели полон из рязанских мест во донскую степь им незнаемую.

Долго ли, коротко ли идут они – пришли во степь донскую, в поле старое. Далеко она широко лежит, в ней травы растут шелковые, в ней реки текут медовые, в омутах рыбы бесчисленно, в табунах коней не считано…

Вот прошли они горы Еланские, пришли во степь ковыльную. Как лебяжий пух ковыль стелется, под легким ветерком преклоняется. Привели полон на реку Хопер, в половецкий стан на Червленом яру.

– Вроде нам про места эти сказывал наш сынок – гусенок хроменький. – Старики стоят, озираются.

Вдруг толпа раздалася в стороны. Едет хан молодой на лихом коне. На нем шапка трухменка высокая с голубым тумаком на леву сторону, на нем синий чекмень с голубым кушаком, за спиной у него пуховый башлык, будто крылья лебединые. Вот он спрыгнул с коня молодецкого, избоченясь прошел перед пленниками, а на левую ногу прихрамывает.

Старики глядят на него во все глаза, а у хана улыбка ласковая, а у хана глаза слезами полны.

– А не наш ли ты гусенок хроменький? Обнял хан тут отца с матерью, на руках понес на широкий свой двор.

Там детишки навстречу выскочили.

– Ты кого ведешь-несешь, батюшка, не рязанские это рабы-пленники?

– Не рабы это и не пленники! Это ваши дедушка с бабушкой! Они меня от смерти спасли да выходили, как был я гусенком хроменьким. Вы омойте их, накормите, нарядите их в одежды лучшие, посадите их в красном углу, и во всем их, детушки, слушайтесь. Они станут сказки вам сказывать да закону учить православному.

ОБОРОТНИ

Служил в Бахмутском казачьем полку молодой хорунжий Емельян. В те поры большая война была со шведами.

Только что государь Петр I у шведов Выборг взял. Народу полегло при штурме много, и в войсках явилась недостача.

Вот вызвал хорунжего Емельяна командир полка атаман Бахмутский да и говорит:

– Вот что, Емельян! Скачи в Бахмут – отвези реляцию о победе да прикажи второй очереди в поход собираться. А как соберутся сменные сотни – сюда приведешь. А пока они снарядятся да соберутся, ты отдыхай да от ран лечись – ты человек молодой, тебе еще жить да служить! А вот тебе золотое монисто – дочери моей Марьяне передай, удастся ли свидеться, не ведаю! А поскольку ты парень холостой, а мне здесь как сын, и в бою я тебя видел, и в голоде, и в холоде, придется тебе моя дочь по сердцу, да ты ей глянешься – я бы о лучшем зяте и не мечтал.

Обнял старый атаман хорунжего, благословил. Принял Емельян монисто – повесил на грудь, под чекмень, где крест был нательный, приказ под чекмень, реляцию в шапку – на коня да в путь!

Скакал как положено – с коня на коня, глаз не смыкал, долго ли, коротко – прискакал – сразу на майдан и в атаманские хоромы.

Караульный повел его к войсковому писарю, который атамана бахмутского замещал. Вошел казак в атаманскую приемную да так и ахнул! Никогда он не видал таких страшных стариков. Сидит писарь, длинный подбородок на костистые пальцы положил, а носом чуть не за подбородок цепляется, а глаза желтые, волосы длинные, седыми космами висят.

– С чем прибыл, казак, докладывай. – А голос у писаря глухой, как из подземелья.

Достал Емельян сумку с депешами из-за пазухи, реляцию из шапки – отдал писарю.

– А это у тебя что? – писарь из-за стола не вставая, руку к его шее протянул. От руки писаря, как от куска льда, холодом веет.

Так и так, казак говорит, атамановой дочери от отца подарок.

– Давай сюда!

– Никак нет! – Емельян отпрянул, за грудь схватился. – Вам, ваше благородие, депеша. А это ей – в собственные руки! Иному не отдам!

– Молодец! Молодец! – засмеялся старик, будто дерево старое заскрипело. – Раб исправный! Пес верный!

– Я не пес и не раб! – с Емельяна робость как рукой сняло. – Я казак Донского войска! И такой же слуга отечеству и царю, как вы, только на своем, значит, месте.

– О! – говорит писарь. – Ты еще и речист. Ну, ладно, ладно, пес… Эй, Марьяна! – крикнул он в соседние покои. Застучали каблучки по половицам и в дверях стала такая красавица, что Емельян второй раз обмер. Сколь страшен был войсковой писарь – столь прекрасна была атаманская дочь.

Молча подошла она к казаку, молча протянула повелительную белую руку всю в драгоценных перстнях, приняла в нее золотое монисто и, метнув перед изумленным казаком облаком шелка и бархата, исчезла, как видение.

Спать Емельяна определили в том же атаманском доме, но только вход в спальню был из сада.

Ветхая старушка, согнутая в три погибели, отвела его в баню, накормила и уложила на мягкую широкую постель.

И только уходя из покоя, вдруг молодым, словно девичьим голосом спросила:

– Как там наш батюшка?

– Слава Богу. Жив – здоров. Воюет.

– А не присылал ли он чего?

– Прислал дочери золотое монисто.

Тяжко вздохнула старуха и затворила за собою низкую дверь.

А Емельян все думал о Марьяне – никогда не видывал он такой красоты. Но многодневная скачка измотала и такого богатыря, каким был Емельян, и скоро у него в голове стало все путаться: Марьяна, старуха, монисто… Слышал он, как поскакал куда-то со двора писарь, как кто-то вроде бы плакал жалобно, безутешно. Уже совсем проваливаясь в сон, осенил себя казак крестным знамением, да положил левую руку на ладанку с родной землей, что повесила ему на грудь, провожая в поход, матушка.

И заснул он мертвым сном, каким может спать только усталый молодой воин, без отдыха проскакавший тысячу верст. И спал бы он так несколько суток, как бывало прежде после тяжелого похода, если бы не разбудили его странные женские голоса, мольбы и плач.

Чуткий, привычный к бою и разведке, вскинулся Емельян на постели и услышал странную фразу, сказанную хриплым и грубым старушечьим голосом:

– Как ты смела, мерзавка, разговаривать с казаком!

И раздался свист плети и удары. И плач. Босой вскочил хорунжий, приоткрыл дверь в соседнюю хорому, и что же увидел он?

По комнате, как летучая мышь, металась красавица Марьяна! Но, Боже мой, как она изменилась! Каким злым и страшным стало ее прекрасное лицо. В правой руке у нее свистел и извивался ременный бич, а левой рукою держала она за седую косу несчастную старуху, что прислуживала Емельяну. Со страшной сатанинской улыбкой хлестала и хлестала ее Марьяна, била по морщинистым щекам, топтала черевичками.

– Да что ж ты творишь! – крикнул Емельян, вышибая плечом дверь и становясь между женщинами. – Я не посмотрю, что ты дочь моего любимого батьки-атамана!

И мощною рукою своею схватил он и вырвал из рук Марьяны кнут.

– Дочь? Дочь? – проговорила красавица страшным хриплым голосом и залилась таким смехом, что волосы у казака на голове встали дыбом.

Руки ее неестественно вытянулись и схватили казака за горло. Как будто два стальных обруча сдавили его. Емельян рванулся, но жуткие руки держали его, как капкан. Задыхаясь, кружились казак и Марьяна по комнате, и уж было совсем задушила она казака, но в последнем движении он сорвал с груди ладанку, что дала ему матушка, с молитвой отправляя на войну, и сыпанул горстью земли, что сохранялась в ней, в страшно распахнутые глаза атаманской дочки.

Вой и стон наполнили комнату.

– Полынь! Полынь! – закричали сто хриплых голосов.

Железные пальцы разжались, и Марьяна с визгом и воем откатилась к стене. Но не успел казак опомниться, а она уже разрасталась до страшных размеров, изо рта у нее высунулись два страшных клыка, и жуткая голова, словно отделившись от тела, понеслась казаку в самое лицо. Огромная зловонная пасть распахнулась над головой Емельяна. И вот бы сомкнулись зубы, если бы сухая старческая рука не поставила перед ним заслоном веточку полыни – емшанатравы все из той же ладанки, что хранилась у казака на груди.

Боже, что стало с невзрачной травкой! Какое огненное сияние шло от нее, каким ослепительным светом пылал каждый лист!

Лязгнула страшная голова зубами, раздался стон и вой, и Марьяна черной тенью метнулась к печи.

– Стой! – закричал казак. – Стой, ведьма! – и накрест, дважды ударил ее ременным хлыстом.

Черной чудовищной птицей взвилась Марьяна, но казак схватил ее за косу/ и хлестал, хлестал бичом накрест. С воем и визгом вышибла ведьма окно и вынеслась вместе с хорунжим прочь! Столбом взвилась она в черное небо и понесла Емельяна, едва не задевая звезды.

Но казак, изловчившись, обвил ее кнутом и закрутил его так, что едва не переломил ведьму пополам. Рухнула она на землю, совсем превратившись в нечто, мало напоминающее человека, но гадкое и смрадное. Перехватив кнут, бил это черное, скулящее существо казак тяжелым кнутовищем. Все тише и тише были его вопли, все меньше становилось оно, сжимаясь в темное мохнатое пятно. И вот уж занес казак кнутовище для последнего удара. Как запел петух…

Проснулся Емельян в той постели, куда уложила его заботливая старуха. Солнце уже стояло на полдне, и лучи пробивались сквозь затворенные ставни. Но не от их тепла проснулся казак. В дверях его покоев стоял писарь:

– Как спалось? – спросил он, глядя желтыми своими глазами, будто в самую душу Емельяна.

– Да лезла в очи всякая чепуха! – сказал не умеющий лукавить казак. – А так ничего. Постеля мягкая.

– Вставай! Марьяну убили.

Гроб стоял в горнице, а в нем в цветах и кружевах лежала прекрасная атаманова дочка.

Бахмутские казаки, что входили тихо и так же тихо выходили, сокрушенно крутили чубатыми головами: «Никогда такого не было. Что стало с этим светом! Не чисто дело!»

Писарь подошел ко гробу и сдернул покрывало с рук покойницы.

– Смотри! – сказал он Емельяну.

На девичьих нежных руках синими бороздами виднелись страшные кнутобойные рубцы.

– Знать бы, кто это сделал! – проскрипел писарь. – Не скоро бы он у меня смерти допросился… А что это у тебя на шее?

– Где? – спросил хорунжий.

– А вот, – и страшная рука писаря потянулась к его горлу. Холодом обдало Емельяна от этой руки. Отпрянув, он глянул в зеркало. Четыре страшные царапины виднелись на его мускулистой шее, словно кто-то сорвал с нее колючий ошейник.

– Золотым монистом в дороге набил, – будто кто-то ему подсказал, ответил хорунжий.

– Ну-ну! – медленно произнес писарь. – Снаряжайся. Перенесем мертвую в часовню, а ты станешь всю ночь у дверей караул нести, чтобы убийца ее над нею не надругался.

Емельян пошел одеваться. Вчерашняя старуха молча слила ему воду из рукомойника. А когда он надел справу, вдруг протянула пустую ладанку с оборванным гайтаном. И вздохнула:

– Трудно тебе будет. Выстоишь три ночи, не испугаешься – навек родной город от нечисти избавишь. Дрогнешь – возьмет она здесь полную силу.

– Да кто ты? – спросил казак странную старуху. Но та тихо ушла, приложив палец к губам.

Гроб с мертвой атаманской дочкой перенесли в старую часовню, наполовину ушедшую в землю, что стояла на краю кладбища.

– Почему ее не положили в войсковом соборе? – толковали меж собою казаки. Но писарь сказал, что это семейная часовня, где отпевали всю родню атамана.

Емельян обошел всю часовню вокруг – нигде в нее не было другого входа, никто не мог войти или выйти из часовни, кроме как з дверь. Привычно осмотрел хорунжий вход и решил, где стоять ему, чтобы не напали со спины или с боков.

Казаки разошлись, последним ушел, крепко заперев часовню, писарь. Емельян проверил пистолеты, сунул за сапог острый нож и, положив руку на саблю, стал у двери.

Вдруг недалеко от себя он увидел старуху, которая ему прислуживала.

– Хорошо ли ты приготовился? – спросила она.

– Как учили, – ответил Емельян.

– Каких же врагов ты отразить хочешь, если ведьму ты убил сам?

– Что же мне делать?

– Против твоих врагов не помогут ни пистоль, ни сабля, но только молитва и защита Бога.

– Не силен я в молитвах.

– Придет беда – найдутся и молитвы, – сказала старуха. – А знаешь ли, почему тебе удалось убить ведьму? Потому что ты заступился за слабую старуху и тем заслужил помощь Господа.

– Что же мне делать теперь?

– Читай „Отче наш" и ничего не бойся, ничему не верь, что ни увидишь. Все это сатанинское наваждение, и ничего тебе не сможет сделать ведьма.

– А разве она не мертва?

– Она умрет через три дня и три ночи, если ты выдержишь – произнесла старуха и повернулась чтобы уйти, но в последний момент остановилась и спросила- А не схватила ли ведьма какую нибудь твою вещь?

– Да нет. Все мое при мне.

– Тогда она не сможет открыть двери. Крести дверь веточкой полыни и не смотри ей в глаза.

Старуха исчезла. И казак долго слушал, как затихает засыпающий Бахмут. Вдруг его как стрелою пронзило.

– А монисто? Монисто, что я привез на своей груди! Емельян прильнул к щели в двери часовни. В этот момент на колокольне бахмутского собора пробило полночь. Сразу осветилась мертвенным синим светом вся внутренность часовни. Гроб сам раскрылся! В нем, вытянув руки перед собою, сидела покойница. Она обвела страшными огромными глазами часовню и стала скрести шею, стягивая золотое монисто. Потом начала нюхать его. И вдруг, закатившись смехом, взлетела вместе с гробом под потолок и с криком «Чую! Чую!» ударила гробом, как тараном, уверь часовни так, что она затряслась. И тут началось! Изо всех :лей, из-под всех

камней, полезла разная нечисть: одни, похожие громадных крыс, другие голые и липкие, как лягушки; и все это выло, скакало и приплясывало, протягивая жадные руки с когтями к Емельяну или проносясь в вершке от его головы. А в дверь часовни бился и бился гроб. Непрерывно читая молитву, казак вытащил саблю. Но сабля вдруг стала мягкой и повисла, будто плеть. И только рукоять, где под серебряной чеканкой хранилась стружка от гроба Святого Ильи из Киево-Печерской лавры, оставалась твердой.

Ко всему привыкает человек, и, опомнившись, Емельян догадался, что вся эта нечисть не видит его, а только чует по запаху, о он где-то здесь. Все эти тысячи страшных карликов рвутся в часовню на соединение с ведьмой, но не могут отыскать дверь, а ведьма во гробе не может разломать ее.

Но только он, в изнеможении, переставал читать молитву, как ;чисть подступала ближе, а удары становились сильнее. И вдруг я часовня дрогнула от страшного удара, и дверь отлетела на сто шагов в сторону. Подобно черной лодке вылетел из двери гроб и, ли бы казак не поднял над головой своею рукоять сабли, снес бы ему голову.

– Господи, заступись! – выкрикнул казак в смертельном ужасе

Тут прокричал петух и мигом все исчезло. Казака бросило на млю, и долго оставался он в беспамятстве. Очнулся он оттого, что писарь смотрел в самое его лицо.

– Ты что тут разлегся, пес? – загремел его голос.

– Приказ был стоять до утра, а вот уже полдень!

– Аи, пес! – громоподобно засмеялся писарь и пошел прочь. Емельян подивился, как молодо он ступает. Куда девалась старческая сутулость и хромота страшного старика. Он будто помолодел лет на двадцать и стал выше ростом.

С трудом поднялся казак с земли и, хромая, пошел в атаманские палаты. Там встретила его старуха и молча всплеснула руками. А когда глянул Емельян на себя в зеркало, то увидел там незнакомое лицо. Чуб его стал снежно белым, белой же стала и борода, и усы.

– Неужели это я? – спросил Емельян и подивился своему незнакомому хриплому голосу.

День провел он как в беспамятстве, а вечером опять стал на свой страшный пост.

В полночь осветилась часовня, растворилась ее дверь, и оттуда вышла давно умершая мать Емельяна, оборванная, избитая и страшная. Слепо шарила она руками, взывая:

– Сыночек, сыночек мой! Где ты, отзовись! И совсем было собрался казак крикнуть:

– Я здесь, мамо! – но вдруг блеснуло ему в очи из-под рваного материнского рубища золотое монисто, и таким ледяным холодом повеяло от него, что Емельян невольно заслонился саблей со святой реликвией, и тут все опять завыло, заметалось и понеслось вихрем над его седою головою. И продолжалось до петушиного крика, возвестившего когда-то Воскресение Христово и тем наложившего заклятие на силы зла.

И снова все стихло и стало как прежде. С трудом поднялся с земли хорунжий, чувствуя, как свинцом налилось его тело и руки.

С трудом отворил он тугую дверь часовни, которую прежде открывал одним легким толчком могучей ладони. Спустился по скрипучим ступеням. Снял крышку с гроба, где лежала, притворяясь мертвой, ведьма, и хотел сорвать с нее золотое монисто. Но только протянул руку, как вся часовня наполнилась казаками и громовой голос писаря грохнул в самые уши Емельяна:

– Хватайте этого старика, казаки! Он хотел ограбить покойницу!

Десяток рук схватили хорунжего. Хотел он было, как прежде, тряхнуть плечами так, чтобы разлетелись нападавшие горохом, но не было в нем сил. Его стянули его же чекменем и, наверное, забили бы чугунными сапогами, если бы женщины и старухи не закричали:

– Не трогайте старика!

– Кто же старик? – думал Емельян, когда толкнули его в подполье Атаманского дворца, но, глянув на свои иссохшие перевитые синими жилами руки, понял, что состарился на пятьдесят лет.

Он повалился на охапку соломы, что заменяла арестантам постель, и впал в забытье. Страшные видения являлись ему не то во сне, не то наяву. Видел он и плачущую покойную матушку свою, видел и обрывки всего, что случилось с ним за две ночи.

Но вдруг отворились двери подпола, и на пороге появился писарь. Узнать его было невозможно. Статный красавец в кунтуше и атласных шароварах, с такой саблей и в таких сапогах, что и царю были бы впору. Он крутил усы и смеялся. Только голос, громкий и хриплый, выдавал его.

– Что, пес? – сказал. – Перехитрил я тебя. Век теперь будешь догнивать здесь в подземелье. Но не огорчайся. Срок твой будет короток, ибо я забрал твою молодость, и теперь тебе столько лет, что и не сосчитать. На погибель оставил здесь Бахмутский атаман свою дочку, на погибель прислал сюда и тебя. Ты бы мог еще сразиться со мною – третья ночь еще не прошла, но ты здесь, приказ стоять на посту три ночи нарушен, и никакая власть, земная либо иная, не могут тебя защитить.

Опомнился Емельян. Вечер уже катился на землю, и бледные звезды мерцали в темнеющем небе.

– Емельян! Емельян! – услышал он зов.

Старуха прильнула к зарешеченному оконцу темницы.

– Это ты, старуха! – прошептал казак. – Выведи меня отсюда! Я должен сразиться с нечистою силою.

– Слава Богу! – перекрестилась старуха. – Ты не сломлен душою. Вот тебе склянка с маслом из лампады от образа Пресвятой Богородицы нашего войскового собора. Вылей его на дверные запоры и засовы, и все двери откроются.

Дрожащими руками принял казак стеклянную бутылочку, опираясь на стены, добрел до дверей, и, как только первая капля лампадного масла упала на хитрый английский запор, что держал двери, они сразу же растворились.

В темноте прошел Емельян мимо спящего караула, мимо коновязей, где было множество казачьих коней – со всей округи собрались казаки на завтрашние похороны.

Вышел к кладбищу и добрел до часовни. За минуту до полночи остатки масла он вылил себе на правую руку и начертал крест на дверях часовни и у себя на лбу.

И в ту же минуту, как ударила полночь, пошла на хорунжего вся сатанинская сила.

Все обидчики его, от самого детства, плотными рядами пошл на согбенного казака. Петух, которого он боялся младенцем, вырос выше колокольни и скреб прямо у лица его огненными шпорами. Пес, что когда-то не давал ему прохода на станичной улице, теперь мчался на него из темноты, сверкая ослепительными желтыми глазами, изрыгая пламя и копоть из трехсаженной пасти. Все учителя и надзиратели с розгами, плетями и шпицрутенами» шли на него стеною. Вот пошли турки с отрубленными головами – те, что убил он в жарких сечах; поляки, насаженные им на пику; шведы, растесанные надвое его острой саблей; и все это выло, грозило, наступало… Становилось все многочисленней.

А во главе этого воинства, на крылатом коне, с когтями вместо копыт, скакал писарь, высотою до неба, и на голове его серебром сияли длинные козлиные рога.

– Пес! Пес! – кричал он Емельяну, – где тебе тягаться со мною, немощный старик.

Рядом с ним на вороном коне с крылами летучей мыши, что шипел и хлестал себя по бокам змеиным хвостом, скакала ведьма с голой грудью, ребрами, прорывавшими тело и космами шерсти на ногах с копытами.

– Где тебе тягаться с нами, немощный старик! – хохотала нечисть. – Ты потерял силу, ты потерял молодость! Попался! Попался!

И уже летела прямо ему в очи Костлявая с оскалом черепа и косою в руках.

И понял казак, что погиб.

И встал хорунжий, выпрямил истерзанное старое тело свое и перекрестился! А затем, не мигая, глядя прямо в глаза смерти, плюнул в самый ослепительный оскал ее.

И в ту же минуту все исчезло!

Очнулся Емельян в пыльном бурьяне у кладбищенской дороги. Мимо шли казаки, неся на плечах гроб, взятый в часовне.

Два черноморца в широченных шароварах шли за гробом, негромко переговариваясь:

– Жалко хорунжего! – говорил один. – На беду свою приехал он. И вот ведь какова судьба человека: на войне, посреди смерти, остался жив, а здесь умер неизвестно отчего.

– Положим их вместе! – сказал второй. – Я, грешным делом, когда приехал с пакетом хорунжий, да стал в покоях рядом с Марьяной, еще подумал – нет лучше пары. Говорят, их и атаман благословил.

– Бедный атаман! Каково ему будет узнать посреди сражения, что дочка и хорунжий померли.

Услышав эти слова, все понял Емельян и попытался встать, но едва мог приподняться на старческих ногах.

– Так вот не поддамся же сатанинской силе, а хоть бы и самому сатане! – сказал он и, встав на колени, прочитал молитву.

С каждым словом сила вливалась в его изможденное тело, и вот мог он уже встать на ноги, а когда прочитал Богородицу, то смог медленно пойти по дороге. Надсаживаясь, вынул он из плетня осиновый кол и побрел, опираясь на него, как на костыль.

Долго брел он, читая молитвы, пока не пришел на пыльный бахмутский майдан, где ветер гонял всякий сор, потому что весь Бахмут – и казаки, и мещане, и крестьянский люд были в соборе.

Полон был собор и жарко горели свечи. Посреди храма стояли два гроба. Емельян притиснулся поближе и взглянул в лица мертвецов. В одном гробу лежала Марьяна, все такая же прекрасная, как и при жизни. И только показалось Емельяну, что сквозь прикрытые ее веки с черными ресницами неотступно следят за ним горящие ведьмины глаза.

Он глянул во второй гроб, и мороз подрал его по коже. Во втором гробе, в полной воинской справе, лежал он сам. Да так – будто только заснул – еще и румянец не погас на его молодом, чуть тронутом смоляной бородкой лице.

Из алтаря вышел священник и весь причет, чтобы совершить отпевание, но в этот момент толпа раздалась, и старуха явилась ко гробу:

– Люди! – закричала она молодым звонким голосом. – Люди, не верьте глазам своим! Это не Марьяна и не хорунжий, а ведьмаки-оборотни, что украли наш облик и молодость!

– Кто пустил сюда эту сумасшедшую! – зашептали в толпе. – Кто она?

– Та кто ж ее знает! Уж два года, как явилась неизвестно откуда, и живет в доме атамана. Сразу, как он уехал на войну.

Старуху оттеснили, затолкали.

И тут Емельян, которого толпа вынесла ко гробу, высвободил руки и что было силы воткнул осиновый кол в грудь лежавшему во гробе хорунжему.

Страшный вихрь с воплями и визгами понесся по собору. Вылетевши из гроба черной птицей, взвилась ведьма, заслоняя собой гроб хорунжего, который извивался и шипел, как червь, пригвожденный шилом.

И тут Емельян увидел рукоять своей сабли, висящую перед об разом Божьей матери. Черная рукоять, как крест, висела на темляке, подвешенном на лампаде.

– Господи Боже мой! Владычица Богородица! – закричал Емельян, и голос его вдруг наполнил всю церковь. – Умоляю вас памятью всех мучеников и страстотерпцев, памятью матери моей и многострадального верного казачества; придите ко мне на помощь!

Яркий луч вырвался из лампады, и скользнула по нему прямо Е руки казака рукоять со святыми мощами.

– Силою честнаго животворящего креста! – прокричал казак – Изыдите от нас силы зла! Вернитесь туда, где ваше место! – и швырнул реликвию прямо в сатанинский клубок.

Грохнуло в храме, черный клуб дыма, стая ворон и летучих мы шей метнулась под купол. Ахнула и раздалась толпа, увидев, что в гробах больше нет ни Марьяны, ни хорунжего, а лежит страшный писарь, проткнутый осиновым колом, и старуха с раскроенным рукоятью сабли черепом.

Два трупа тихо потрескивали, как тлеющие угли, сжимаясь и уменьшаясь в размерах. И вот уже нет ни их, ни гробов, а куча пепла лежит посреди храма.

– Марьяна! – крикнул Емельян, дивясь тому, что вернулся егс прежний голос, и прежний облик, и сила.

И увидел подлинную Марьяну, словно вышедшую из иконы. Она подошла к куче остывающего пепла, вынула оттуда рукоять сабли, золотое монисто и повесила их под иконой Божьей матери. Луч света упал на пепел из-под купола, и он исчез, как исчезает весною снег, не оставив следа.

Пышная была свадьба в Бахмуте! Веселым – застолье, но никто из гостей, даже шуткой, даже обиняком, не вспоминал, как молодые и прекрасные Емельян и Марьяна были жертвою колдовства, как адские силы похитили их молодость, превратили в старуху и безобразного старика. И как силою веры и стойкостью они все одолели.

А через год вел на войну хорунжий Емельян запасной Бахмутский полк на смену тому, что сражался в Прусских болотах, и провожала его молодая жена с младенцем на руках. И только ранняя седина на висках совсем молодых людей говорила о том, что выпало им на долю.

КОНЬ – ОГОНЬ

Жил-был казак. Померла у него жена. Осталась девочка – семилеточка Настенька. Погоревал казак, погоревал, да и женился на другой. Тоже на вдове с двумя девочками – постарше своей-то дочки. Думал в доме хозяйка будет, а таку королеву привел – хоть из дому беги! Села она со своими дочками казаку на шею да поехала! А весь дом да хозяйство на семилеточку – девочку повесили, на Настеньку! Та, беднушка, с утра до вечера по хозяйству колотилась! И скотина, и птица, и по дому работа – все на ней. А благодарности и не дождешься, все тычки да щипки. Мачеха-то, сказывают, ведьмой была. По молодости с рогатым зналася, и чьи это дочки не ведал никто. Сама-то она, вишь, нездешняя была. Где-то уж казак ее выискал, отродясь в станице таких-то не было!

Сам-то норовил все подальше от дома держаться: то в табунщики, то в отарщики. Вот в станице-то и поговаривали, что завороженный он. Что же за казак такой, который за дитя заступиться не может? А он, вишь ты, при новой жене остолбенел!

Все же, хоть не заступался за дочь, а при нем мачеха меньше лютовала, а как погнали его на войну в чужедальние края, так совсем Настеньке житья не стало. А отец, как поехал в полк, так и загинул: и год его нет, и два, и три… У мачехи родные дочери стали в возраст входить, а женихов-то нет. Сказано ведь, добрая славушка лежит, а худая бежит! Какому казаку охота на шею хомут надевать? Было б за что! А то страшные, неряхи, злющие да ленивые… Целый день на перинах валяются, на женихов пасьянсы раскладывают. Да как по картам ни выходит, а по-настоящему – то ничего нет!

Мачеха от этого в порошок готова была Настеньку известь. Нашла на ком зло срывать. А та без ответу – ночью проплачет да снова работает. Уж и атаман мачехе грозил, и старики увещевали – все без толку! – лютует; а ради Настеньки да отца мачеху из станицы не гнали.

А тут новая беда: привели с войны коня боевого, да шинель, да фуражку пулей пробитую – погиб казак! Осталась Настенька сиротою. Как раз под именины. Ей шестнадцать лет исполнилось. Покричала бы Настенька за отцом, да мачеха не велит. Еще и обругала покойника: «Другие-то казаки как люди: с войны ясак гонят, да презенты женам везут, а энтот, придурок, под пулю голову подставил, только бы в дом ничего не предоставить! И конягу своего прислал, кто его кормить будет! Кому эта развалина нужна! Гони его Настька в степь – нехай его волки съедят!»

Вывела Настенька коня в степь, обняла за шею да и накричалась вволю! Исплакалась, лицо умыла, а конь ей вдруг и говорит человеческим голосом.

– Не плачь, Настенька! Не горюй. Твой батюшка умирал, просил у Бога тебе Заступника. Господь меня твоим заступником сделал. Возьми мою уздечку да сделай из нее себе поясок – повяжись, – никто тебя тронуть не посмеет. А за меня не бойся, оставляя в степи, – ничего со мной не станется, пока Божия воля не свершится.

Пришла Настенька домой – мачеха на нее:

– Ах, ты такая-сякая! – да со всего маху хотела ее чапальником по голове, а тот из рук вырвался да по ее дочкам – и по одной, и по другой! Схватила мачеха рогач, только замахнулась, а он вырвался да ей под вздох!

Отдышалась мачеха и догадалась, что дело-то непросто! Она ведь ведьмой была. Всю ночь злилась, кулаки кусала, а к утру придумала работой Настеньку извести. Стала заставлять ее и ночью

работать. От ранней зари она по хозяйству, а как вечер, мачеха говорит:

– Ступай в поле пшеницу косить. Десять десятин скосишь, в снопы свяжешь, да на ток свезешь!

Мыслимое ли дело такую работу одному человеку! Да ночью! Во тьме!

– А не то, – кричит, – с базу долой! Нам дармоеды не надобны!

Взяла Настенька косу, пошла в степь пшеницу косить. Идет, а слезы – так и льются, вся знуздалка мокрая. Зашла отцовского коника проведать. А он ее спрашивает:

– Что ты, моя ластынька, плакала?

– Я не плакала!

– Как не плакала – вся знуздалка в слезах. От меня не таись. Я тебе помогу.

Рассказала коню Настенька, какую ей ведьма-мачеха работу дала.

– Э! – говорит конь. – Разве это работа! Поставь, – говорит, – себе балаган да ляг отдохни, а я твою работу исполню.

Сделала себе Настенька балаган да от усталости дневной и уснула. А конь айда по полю скакать, хвостом пшеницу валить, копытами в снопы сбивать. Скосил все, в снопы связал, встал дыбочки, заржал звонким голосом, все снопы, как солдаты, на ток ать-два, ать-два… Сами и пришли.

Прискакал конь с рассветом:

– Просыпайся, моя дочушка! Вся работа справлена! Проснулась Настенька, не нарадуется. А конь смеется:

– Эх! – говорит. – Хорошо поработал в четверть силушки. Стала Настенька домой собираться, а конь ей говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.